

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Стенограмма

**КРУГЛЫЙ СТОЛ
О «РЕСУРСНОМ ПРОКЛЯТИИ»
В ЭКОНОМИКЕ**

15 декабря 2016 | Москва

МОДЕРАТОР:

Андрей Мовчан, директор экономической
программы Московского Центра Карнеги

Мовчан. Добрый вечер. Давайте потихоньку рассаживаться, потому что время уже полседьмого.

Спасибо и добрый вечер. Перед тем как начать процесс, я хочу задать не очень приятный для нас, но стандартный для нашей страны вопрос. Дело в том, что у нас куда-то пропал синхронный переводчик, а другой появится только через полчаса. Поэтому я хотел бы спросить у русских гостей: кто не уверен в своем понимании английского, кто не уверен, что мы можем перейти на английский как рабочий язык? Окей. У нас такое большинство людей, которое уверено в своем понимании, что мы, может быть, тогда пока на полчаса перейдем на английский язык. Это все равно будут такие вступительные, вводные процедуры, а как только мы их закончим, надеюсь, уже подойдет, должен будет подойти переводчик в семь часов, и тогда уже будет совсем все хорошо. Здесь есть место еще за столом. В любом случае те, кто опоздал, — это их проблемы, поэтому те, кому удобнее за столом, пожалуйста, пересаживайтесь.

Movchan. Thank you very much for coming for the roundtable, which is organized by the British Embassy and the Carnegie Moscow Center and dedicated to the program which the Carnegie Center works on, the program which does comparative research of resource-dependent economies and is dedicated to development of recommendations for the resource-rich economies in the field of their diversification and smoothing of the effects of the resource spell.

I would like to start with... Although it's not the conventional roundtable we have every quarter, and the quarterly roundtable will take place in late January, I would like to start with a round of introductions so that we know each other, we understand who is who. And because we have a very long agenda today, please be as concise as possible, as brief as possible, talking about yourself; and then, when the microphone comes back to me, we'll start the agenda. With that, I'll just pass it clockwise...

(Introductions)

And I'm Andrey Movchan, as you may well be aware of. And hereby I would suggest that we start, not waiting for the few people who are late, and I would ask the representative of Great Britain and the British Embassy to say a couple of words as a greeting for the meeting.

Brenton. Well, ladies and gentlemen, it's a great pleasure to welcome you to the British Embassy. I have to say that maybe the next project we sponsor might have to be on traffic management in Moscow, if the interpreter is coming only at seven. But this is something of a departure for us. It's an absolutely great pleasure to be supporting Carnegie, and this is the first, I think, of the projects we're doing on our bilateral program funds, which is, we hope, empowering, enabling economic debate here. That's something of a departure for us because, when I was here before, in the 1990s, we spent a lot of work, a lot of time dealing with the R-word, "reform." And—well, I think, probably people have different views on this, but I came away thinking that maybe us, other country, saying that this is how we thought that Russia might want to organize its economy, wasn't perhaps the most successful thing we ever did, for many very good reasons. And I hope that by working in a different way we can encourage Russian

economists to lead a debate which will help shape Russia's future. And I don't say that naively, because I sometimes think that the problems in this country aren't really economic, they're political, and that one of the challenges for anybody working on economics here is how to make economic changes palatable to the political realities you have to work through, and that's true with any country.

But all I want to say is, "Thank you." This is a really important, challenging topic; it won't go away, so it needs to be discussed and thought through. And please speak freely. И можно, конечно, говорить по-русски, потому что не надо стесняться, если вам легче говорить по-русски, здесь это мероприятие для российских экономистов. Say what you think, and also think about ideas for other projects. Because we are open to future ideas, we'll be looking for bids in the next financial year, and we want to encourage innovative and creative work, which will help create an economy here that works for everyone, your trading partners, but most importantly, the people of Russia, to develop the prosperity which you deserve. Thank you.

Movchan. Thank you very much. And we'll definitely think about the project on the Moscow traffic, if you're ready to sponsor one.

What do we plan to do today? Again, I have to mention that it's different from the regular roundtable we have on a quarterly basis, with no preset agenda. Today, the agenda is quite set, and we push all the discussions back to the end of the meeting.

First, we'll start with a brief discussion of the project itself, of the work we do. Then I will try to explain what we've done already through the first months of the project, talking about the draft of the first paper we prepared for your judgment. The whole purpose of the meeting is to present the paper to you and to ask you to read this pile of sheets quite attentively and come back to us in any form, whatever form is welcome, with your comments, your suggestions, your corrections, your ideas. The paper is intentionally left without any conclusion or wrap-up. We wait for the feedback to do the wrap-up, to do the final cut, final edition of the paper; then it will be printed in Russian and published in English and distributed in much larger quantities.

And then, after that, we'll have the second paper, which we'll talk briefly about... The paper will be dedicated not to the objective and very dry analysis of resource-related economies, but rather to the analysis of the impressions and interpretations which people within the economies give to the state of their economies, and the efforts done, and the results, and successes, and failures. The paper would consist of the analysis of the interviews conducted with the different groups of the stakeholders of three countries (Kazakhstan, Mexico, and Indonesia), three different countries with different ways and different approaches towards the resource spell problems. Today, the first part, the information about Kazakhstan interviews, will be presented by my colleague Vita Spivak. The interviews with Mexico have been conducted already, but haven't yet been worked out and analyzed, so we are not ready to talk about them. The interviews in Indonesia will be conducted in January, and we hope we will collect all of you at the table here, or wherever, in a convenient place in Moscow, in about three months to present the next work in full, as we do with the first work today.

The third work would concern Russia. Sergey Yermolayev is working now as a head of this direction, and the third paper would talk about how the resource spell evolved from the first signs of the problem in the 50s of the twentieth century, how the resource spell was created, how it was conducted, how Russia came to the... How the Soviet Union, actually, came to the destruction in the late 80s, partially at least because of the resource spell consequences. And then—about the new era and how Russia came back to the same position as it was right before the dissolution of the Soviet Union. This work would be presented maybe a month later, in late February–March.

And yet we have another work, another paper which we are planning to have, and Elena Chirkova will talk about this paper, and she will talk today briefly about the work about the role of the institutions. Although in this paper we don't pay attention to institutions generally, we try to look at more broad and objective factors, the other paper will concern institutions and how the institutions change the palette(?) of the resource spell countries, and how it works. And again, Elena will talk briefly about that, but we thought it wouldn't be complete without the positions of the specialists in certain fields, and that's why Sergey Romanchuk will talk about the financial markets and currency aspects of the resource spell and how it works in different countries, and we'll have a couple of other speeches and short presentations, and, if time permits, we'll have as in-depth and broad a discussion as possible after that.

If nobody objects, I will start talking briefly about this paper. Mostly to explain to you what it is, why it is, and what major results we have. I have a few slides with the graphs and tables, which probably will appear on screen as soon as somebody advises me how to get it on screen...

The paper itself is dedicated to the oil-dependent countries. As we clearly understand that it's impossible to unite all the issues of the resource-dependent countries, and all the mineral resources, and all the periods of time, so we tried to focus on the last fifty to seventy years, on oil-dependent countries. We were not able to take all the countries into the review scope; we took ten countries with different types of their reaction on the resource spell, different levels of their dependence on oil, and different histories. And the whole purpose of the work was not only to provide you with the fairy tales, and interesting stories, and details about the development of the countries, and historical anecdotes, but rather to try to systematize the characteristics of the developments in these countries, to find out the patterns, and clusterize, and understand what is more important, what's less important, what influences positively, what influences negatively, how it works.

So, to try to be as brief as possible, I'll pass a bit... Yes, I'll start with that, and then briefly come back. So, we have, generally, we have ten countries: Venezuela, Angola, Nigeria, Azerbaijan, Iran, Mexico, Indonesia, Norway, United Arab Emirates, and Saudi Arabia. I'm coming back. What we immediately saw when trying to decompose these countries. I assume you know that all these countries produce much oil, and all these countries had resource spell effects in them, and all these countries tried to cope with them and work to diversify.

Then... It is a complicated graph; I'll try to explain how it's built. The vertical axis is barrels per person of the oil and gas upstream. Per year, of course. The vertical axis shows how much in

relative terms the country pumps up of the oil and gas. The horizontal axis is barrels per million dollars of GDP per year. It means, generally, if we believe that oil has been a catalyzer of the GDP growth and an important part of the GDP, this axis shows how efficiently generally oil was used in order to produce a diversified GDP per person in the country. The size of the bubbles is the size of the economy, the GDP.

So, we immediately see a few interesting things. First, we really have four clusters. You see three, but here are two of them, generally. So, this cluster is countries with very high production of oil per person. Low population, much oil, everything is just great. Then, if you look at them, there are three countries, they are quite spread on the horizontal axis. It means that Norway, for example, uses much less oil to produce a dollar of GDP than Saudi Arabia does. Saudi Arabia uses 6,000 barrels to produce \$1 million of GDP generally; Norway needs less than 2,000; and the United Arab Emirates need about 3,500 for that. We call it high-production, mid/high-yield(?), low-efficiency; it depends on where we are. But the general feature of these countries is, they produce very much oil.

The second cluster is mid-production and low-efficiency. We have two countries of that, it's Angola and Azerbaijan. And, if you look attentively, the first surprise which we had about this graph is that Azerbaijan is much less efficient than Angola, for example, for that. So, generally, they have pretty much the same amount of barrels per capita production, 6,000 barrels per 1 million of GDP in Angola, and 9,000 in Azerbaijan.

Then we have two clusters of more efficient and less oil-producing countries. One is mid-size production and mid-efficiency, and Russia is... We don't have Russia in our review here, but we assume you all know Russia pretty well, so we put Russia just on screen for the comparison purposes. Russia, Venezuela, and Iran—they are quite close in both directions. The Russian size is bigger, of course, but the Russian population is bigger as well.

And low-production and high-efficiency countries. And surprisingly, it's... I would say, it's the third surprise. The second surprise was that Russia fell in the group of Venezuela and Iran, but then the third surprise is that Nigeria is actually a very highly efficient oil producer. It might be very inefficient in other terms, but here, with regards to oil, they produce quite a few barrels per person, and they produce quite high GDP per barrel, in essence.

And of course, Mexico is... We know it is a good country, and Indonesia is a very good country with that regard, and then in Indonesia the dependence on oil is long gone. In essence, we took Indonesia as a reference point rather than the country which suffers from the resource spell.

Then, talking briefly about how these countries are structured, the first cluster is quite understandable. Norway and United Arab Emirates surprisingly are very similar. With what they do, how they do that, and how the economy works, the level of GDP per capita, the level of household income, and other things. The approach is different. United Arab Emirates are absolutely authoritarian, with a liberal economy; Norway is a democracy with a liberal economy. And Norway uses a so-called welfare state model, where you charge high taxes and then you distribute the proceeds generally for the welfare, for the social security. United Arab Emirates

work from the other angle, they charge extremely low taxes, and they benefit from the incoming low-paying workforce, and subsidize the local population, the citizens of the country and the governmental business. They both accumulate much money and extra returns from oil and gas in sovereign funds; the management of the sovereign funds is organized in a pretty much the same manner and the same fashion. Both have an efficient infrastructure, both massively invest from the state as the ultimate owner. Both economies are very open, and both economies have foreign investors. United Arab Emirates have more foreign investors than Norway, comparing to the GDP and comparing to other indicators; but then generally Norway is a more stable and less oil-dependent economy, in part because Norway has also the hydropower energy production, and other types of business, and fishing, and much stronger institutions, which Lena probably will talk about.

Saudi Arabia is a different country. It's a conservative authoritarian country with a regulated economy, with a low level of openness and low level of foreign investments. And that's probably the only difference. But then, as you've seen from the graph (I'll come back to the graph), the efficiency of Saudi Arabia is times less than the efficiency of these two countries. Which suggests the quite obvious idea that a regulated economy, low openness, and low foreign investors mean something for the effectiveness of a country.

Mid-production, low-efficiency countries, Angola and Azerbaijan. Not a big difference, actually. If you look through the stories in this paper, if you look through the details of how Angola's been managed, how Azerbaijan's been managed, you wouldn't find much of a difference.

The state investment in Angola is low, the state investment in Azerbaijan is massive—doesn't make a big difference in the countries. What really makes a difference in Angola, why Angola is more efficient economically, is openness for one country, for China. Chinese are doing much business in Angola, in part substituting local production. And they bring their rules, they bring their level of efficiency, they bring the market for their goods. Essentially, China is not only the producer in Angola, it's the 100 percent off-taker of the production. And I think, we think, that this is the only difference which makes Angola more efficient; still, this set of factors does not provide for substantial efficiency which allows us to say that either Angola or Azerbaijan are on the way to economic prosperity.

Mid-production, mid-efficiency group. Essentially, Venezuela and Iran are quite similar, in a sense. Venezuela has what we call limited democracy; I know it's not quite right to call it that way, but I can't find a better word; maybe somebody would suggest what to say. Because they really have the democracy, they have elections, they have their president elected. The Iranians also have elections of the president, though we hesitated to call it democracy. That's regulated democracy, regulated by clerical institutions.

Regulated economy structure. In Venezuela, there is a high level of proliferation of wealth through oil. In Iran, there is a very low level of proliferation of oil proceeds into the society. Venezuela then has no accumulation, generally, and Iran accumulates the proceeds of oil centrally. The infrastructure is not that efficient in both places, and state investment is not high in both states. Openness is low, and foreign investments are low. And then, despite that, from the

first glance the economic structure of Venezuela and Iran are very different, if you look at the figures at the bottom of any equation which includes Iran and Venezuela, the economies would be pretty much the same.

Russia is vastly different, and we know that; much higher GDP per capita, much more stable economy. Why? Generally, I suppose, because of two things: liberal economic structure and efficient sovereign fund. At least we didn't find anything else which would differ that much.

Low-production and high-efficiency. Mexico, Nigeria, and Indonesia. Again, three countries... I know you would argue with me that they are more democratic. At least with Nigeria. But still, in Nigeria we have the exchange of presidents. Which we don't have in Russia. In Mexico, it's undoubtful; in Indonesia, it's... Indonesia looks more like Ukraine now in terms of how the country is managed, and much better than Russia in economic terms, which also suggests that probably democracy is not the major factor in the economic development of such countries.

Mexico's better. The economy structure is liberal, we see that. The proliferation, the level of proliferation is not high, all countries have low GDP per capita, after all, and high Gini indexes. No accumulation. No accumulation because of low production, primarily. If you produce few barrels per person, it's hard to accumulate the proceeds. Infrastructure in Nigeria is low historically, at a low level, better(?) level as Indonesia. Openness is quite high in all the countries; Nigeria is less open. But then Nigeria historically starts with a much lower level of GDP, and Nigeria has other problems which do not concern specifically oil. That's why potentially Indonesia is positioned lower in the competition for a better GDP.

So what are the general outcomes of the work? If you look at the table, you will see... We arranged the table from the very low economy level, meaning the GDP per capita, to the very high economy level. And with one exception we'll see that the only thing which corresponds to the level of economy is risks. If you look here... When we say "risks," we mean the composite parameter, which includes governmental risks, legislation risks, corruption risk, and crime risk, and inflation perception, and stability of the currency, and stability of the financial system, geopolitical situation, hostility versus friendliness to the open world. And when we look at that, it's quite easy to measure, there are many measures of that, they are all pretty much common and if you look at that, you will see that the risks go from high to low, with one exception. In Saudi Arabia, of course, the risks are high, but Saudi Arabia is so rich with oil that it's kind of an exception from the analysis in this sense, it's the outlier here. Still, Saudi Arabia has big budgeting problems now, as you may know, as you may read from the paper; Saudi Arabia is researched in full in the paper. And we may expect that over time Saudi Arabia will move dramatically down the list.

If you look at other factors, like oil dependence, it's different; economy type—it's different. You'll see regulated and mixed economies at the top of the list...

...

...consequences of the resource spell and resource dependence. Inflation of the expenses; excessive consumption of oil and gas. With the terrific examples. I don't know to what extent

you're familiar with the economy of Saudi Arabia, but Saudi Arabia uses oil for producing electricity. Directly. They do not work on oil, they do not produce the fuels, they do not use gas, they just burn oil, which is about, if I am not mistaken, five times more expensive than producing fuel and then burning fuel for electricity. They still do that. United Arab Emirates import gas, because the consumption of subsidized gas is extreme. Other countries do pretty much the same.

Political regime, surprisingly, does not matter. Indonesia, and Norway, and United Arab Emirates, and Mexico, and other countries—they have vastly different political regimes. I don't know about institutions; I specifically don't mention institutions there, but these countries can develop with or without democracy. The thing which matters is the level of the liberalization of the economy in the countries, as you can have different political regimes with a liberal economy, and it works.

Risk perception is a key driver, I've just said about that. Openness of the economy is very important. Openness of the economy is also correlated with risk perception. Potentially, there's two-way correlation. First, countries which try to decrease the risks also try to open the economy to the world; otherwise they don't have the purpose for decreasing the risks. And then, when the country is open to the world, the investors and the society believe that the risks are lower. But still, you can see the clear correlation there.

The example of Norway, for example; the example of Saudi Arabia; the example of Kazakhstan, which is not presented in the paper but will be presented in the next one, they show how important it is not to fall victim of the import substitution idea. Whenever countries start to try to substitute import, they failed in import substitution, and they failed in the economic development. Whenever countries start to focus on the export diversification, sacrificing the import substitution and allowing importers to bring more goods from abroad, they succeeded in economic development. It's quite easy to show in figures, and it is shown in figures in the paper.

Some countries try to tax oil and gas and other businesses and people as high as possible, like Norway, for example; some countries try not to tax at all, like the United Arab Emirates. The result is pretty much the same. The proliferation goes through the centralized tax collection and welfare subsidizing, or it goes directly from the subsidizing of the tax regime and allowing people to save more and to consume more because of that. The result is pretty much the same. The inequality is higher in countries where you practice low taxes, and lower in countries where you practice high taxes. The stability of the economy seems to be higher in countries with higher taxes. Then, if you have lower taxes, you allow your local producers to produce more and sell more, the question is whether it's stable, because these producers generally become inefficient, because they are in a privileged position. The best example potentially, and it's described in details in the paper, is Emirates Airlines, one of the biggest companies in the world, third company in the world in terms of passenger traffic, with its \$2 billion of annual profits, which, if you calculate their tax burden at a mid-European level, will become loss-making.

Sovereign funds are positively correlated with the reduction of risk and reduction of inflation, which is quite obvious. At the same time, sovereign funds can be split into investing

domestically and investing abroad. Funds investing domestically prove to be inefficient. Best examples would be Mexico and Kazakhstan, Indonesia in previous times, and other countries, and Russia, generally, certain; we can talk about Vnesheconombank as a sovereign fund investing domestically. Countries which invest abroad are generally successful in investing abroad and successful in economic diversification and prosperity.

For the sake of time I would probably stop at that. We have many more outcomes written in the brochure. I would ask you all to read. It's entertaining reading, it was entertaining for myself as well. I didn't write everything there, and a few things were surprising for me. And then we definitely need your feedback. Again, the brochure is not finished, we'll be waiting with the wrap-up and conclusions till we get information from you.

I hope the translator has already come. Two minutes? OK, I have to entertain people for two minutes in English. Again, I'll get back to this slide, leaving it on the screen while Vita would prepare herself for talking. Yes? You're ready? Thank you!

Spivak. Should I start in Russian or in English?

Movchan. Maybe before we start the presentation, we have room for one question, if anybody has. Because we need the translator to get prepared.

Chirkova. What was the most surprising thing? You said there are many surprises *.

Movchan. Well, the first fact that surprised me was the dramatic inefficiency of Azerbaijan. I love Azerbaijan, I love Baku, nice country, and I was surprised with how the whole blessing of oil was wasted in the country.

The second thing, I said, was Nigeria. Which apparently was quite an efficient country with regards to oil exploration and usage of the proceeds.

Indeed, being Russian and getting into the group of Iran and Venezuela was not a positive surprise... Because we fall into the same cluster.

The third thing was... I generally love low taxes, because I do business all my life, and I don't like high taxes at all. I was surprised that the efficiency of highly taxed economies is, marginally, but even higher than the efficiency of low-taxed economies. I have to admit that, I cannot * the facts.

Chirkova. I have the same conclusions, Russia * Venezuela *.

Movchan. OK. Are we ready? No, we are not...

Spivak. All right, I may start in English and switch to Russian.

Movchan. You have to start in English, OK.

Spivak. So, I'm going to represent our field studies that have been done in Kazakhstan. And the first thing that I want to say is that I will present some quotes of our counterparts—so, we met with several officials, economists, and the representatives of the industry in Kazakhstan, and the quotes I present just represent the whole situation there, and I suggest we don't discuss them, just observe, in a way.

So, at first... Sorry, the presentation is in Russian, but I'll try to present the general sense of that. So, the key fact is that... So, the budget dependency on oil is 45 percent, and one of the specifics of the oil-dependence of Kazakhstan is that it has the National Fund of Kazakhstan Republic, and it holds about \$64 billion, and it's about 30 percent of the country's GDP. And one of the officials we talked to says that in good years they have received about \$12–14 billion a year to this fund, and they value that idea a lot, and say that it was kind of the best decision to make this institution to preserve something for the generations ahead.

But since 2008 they started to spend these reserves, and they have, like, a mark for that, so they cannot spend more than \$8 billion a year. And the interesting thing is that the fund is ruled not only by the government and the central bank; they are helped by JPMorgan, UBS, and so on—so, by some foreign institutions.

They recognize that there used to be disaster myopia there, and there was a bubble in the bank market in the years of the oil boom, and so they had to invest in everything, and didn't quite care about the consequences. And it was... So, it's quite a common phenomenon, I think.

So, and it led to corporate corruption. There was a case of BTA bank, and it used to be really... So, everyone wanted to be a banker, and they had enormous revenues, but it led to some crisis afterwards. And they recognize this, there wasn't enough ruling of this bank sector, and right now they have the rate of non-performing loans at 34 percent, but they kind of dealt with that in the way that Russia did—so, the bad loans were just prolonged, in a way. And in the end banks actually refused to go through the independent audit, and that, I think, represents the level of the corruption in the bank sector.

So, during the high oil revenues, the money proliferation came into place, and it was a good business to initiate various governmental programs, like “Kazakhstan,” or “Snow...” I don't know, it's “Snezhny Bars,” or “Nurly Zhol,” it used to be really popular, and they did some works on diversification, technoparks, funds, and so on and so forth.

So, and it also led to some hilarious cases of production of solar panels, tablets, and some agricultural, in the agricultural sector, and in the end they tried to produce some solar panels that in the end were, like, eight times more expensive than Chinese ones. They used to make projects with real too-high capex, and they were unprofitable, but I hear this, right here in the bottom I have this quote from one of the pro-governmental officials who actually says that that's all—actually, if we have built that and we have that, so, that's why it's OK. So, they kind of... Some part of the society doesn't see it as a problem.

But they understand they have problems; they understand they have the dependency, the resource curse. But the reforms that were tried to be taken into place—well, they kind of... They

are made simple for the bureaucracy, and they just carry out simple decisions. For example, if there is a problem of a job problem, they just forbid the factories to fire people in some cases. So, all the actual reforms are not really taking place.

But they really hope, they have really high hopes on this International Financial Center Astana, and they think that... It's actually—it will be built on the infrastructure of the Expo that will take place in Astana in 2018, I guess, so there is a huge construction work at the moment, and actually I've seen it myself, and it's... I don't know how would they use that in general, but they try to make a kind of financial hub between Frankfurt and Shanghai, but—well, nobody quite knows what will they do with that afterwards, and will it actually be profitable?

They also have really high hopes on this transit infrastructure and transportation infrastructure, and in this sense China is a real great partner for them, and they are really hopeful to attract more investment from Beijing, and of course in this sense this Silk Road project is really—Kazakhstan has the most, the biggest revenue from that. As well as Russia, I think. And actually, they really invest a lot in that, and not... Well, in comparison to Russia, they actually build the roads and railroads. But no one knows if it will be possible, and can it actually beat sea transportation?

I think the most controversial part for our counterparts is the fiscal reforms, and, I guess, here we have the biggest diversity of opinion. So, they have talks about actually making big reforms in these sectors and lowering the taxes, but at the same time they have a lot of corruption in this, and a lot of bureaucracy that actually prevents the business from prospering, I guess.

And they really talk about the development of education as well; they have this governmental program, “Bolashak,” and the sense is that the government will pay for your education anywhere abroad, at MIT, Harvard, Oxford, if you're smart enough to get in, they will pay for that. But after that, all these people who actually go through this program, they only want to work in the governmental sector or governmental institutions, and that's actually the problem, because they don't really have any private sector that develops well enough. And, I guess, that's the main problem with this Bolashak program. And they really want to raise the expenditures on education.

And, as one of our counterparts said, they have a really big discussion on the Internet; Facebook for Kazakhstan right now is a really special place, a really special place for discussions, there are not only young people, students—also many officials are there and have informal discussions that actually give a lot of topics for the media and discussion inside the elites. So, they actually try to make that in the loop of the governmental policy, and bloggers actually play some role, and they are not suppressed, they actually influence the policies, in a way. So, with that, they have really high hopes for civil society development. And, I guess, the education will help with that. So, practically, I am done here.

Movchan. Thank you. Can I speak Russian? Can I now speak Russian?

Мовчан. Спасибо. Я несколько вещей хотел сказать еще про Казахстан, если возможно, потому что, действительно, это... *(Говорит по-английски.)*

Казахстан — действительно интересная страна, потому что она рядом с нами и потому что ее нет в этой rare, поэтому о ней можно поговорить чуть-чуть побольше. Собственно вот от этого трипа и общения у меня такие тоже есть опосредованные впечатления, которыми хочу быстро поделиться.

Во-первых, удивительно, что страна настолько открыта. Очень разные мнения очень разных людей, занимающих очень разные должности, которыми они с удовольствием делились. Вот в Мексике мы такого не увидели, как это ни странно. Позиция мексиканских бизнесменов, политиков и чиновников намного более консолидирована.

Очень много в Казахстане говорится про чудовищную неэффективность государственных инвестиций. В этом смысле, мне кажется, Казахстан сильно опередил Россию. Вот когда мы так же будем говорить про «Роснано», как они говорят про свои солнечные панели, то, может быть, у нас здесь что-то сдвинется с места.

Одна вещь, которую я не произнес, потому что невозможно все произнести про наше исследование, и то, что в Казахстане видно на примере их суверенного фонда, — это как выгодно отличаются страны, которые привлекают лучший менеджмент со всего мира и, вообще говоря, умеют привлекать внешние трудовые ресурсы, когда нужно. В Объединенных Арабских Эмиратах на некоторых позициях введена квота на 25% своих сотрудников, 75% иностранцев. Это разумно, как оказывается. В России тоже это было бы наверняка разумно. У нас, правда, ситуация обратная. У нас квота ноль на иностранцев во всех значимых областях, к сожалению.

Вита говорила, и я хочу еще раз подчеркнуть: очень много в Казахстане сейчас уже, слава богу, говорится о том, что пролиферация программных действий происходит очень криво через среду чиновников. Действительно, идея модернизации рынка труда превращается в запрет компаниям увольнять людей, и в остальных вопросах происходит примерно то же самое. Действительно, упрощение налогов сводится к тому, что увеличивается количество законов, по которым их надо считать, а чиновник действует исходя из совершенно понятной логики. Ему нужно минимум усилий и максимум отчета, отчет должен быть наиболее красивым и наиболее быстрым, и поэтому, конечно, просто создать хорошую программу более-менее бессмысленно; она при выполнении превращается в некоторую противоположность.

Интересно, что прямо на примере Казахстана можно наблюдать, откуда берется на самом деле то, что называется disaster myopia. Поскольку в Казахстане самый большой disaster случился с банками, а там это хорошо, прозрачно и красиво видно, так вот оказывается, что disaster myopia в таких экономиках берется от конкуренции. Когда у вас конкурентная среда и избыточный ресурс проливается на конкурентную среду, когда вы — менеджер банка, который не дает кредиты со слишком высоким риском, а соседние банки дают кредиты со слишком высоким риском, соседние банки зарабатывают больше, пока на вас проливаются ресурсы, и вас увольняют, потому что вы недостаточно зарабатываете для банка. И поэтому на ваше место приходит тот, кто будет давать кредиты неоправданно высокого риска. А вот в неконкурентной экономике такого не случается. А в

конкурентной экономике это происходит all the time. В частности, кредитные ресурсы, проливавшиеся с начала XXI века на Соединенные Штаты Америки, привели к кризису 2008 года ровно таким же способом, потому что когда вы находитесь внутри конкуренции, вы не можете выйти за эту игру на повышение, которая происходит в связи с увеличивающимся объемом поступающих ресурсов.

Про образование очень много говорят в Казахстане. Это приятно слышать. Я в рамках этой работы и не только буду встречаться во вторник на следующей неделе с человеком, который организовывал эту систему сейчас в Казахстане. Тоже очень интересно будет послушать. Наверняка донесу до вас в следующий раз внутри работы по Казахстану; это будет уже представлено, как они это делали. Интересно, что не только они, оказывается, наблюдают стремление выпускников хороших вузов, обучение в которых оплачено государством, работать на государство, а не в бизнесе в Казахстане, а там еще есть ограничения, которые заставляют этих людей работать в государстве, а не в бизнесе, и об этом сейчас тоже там много говорят. О том, что надо запретить этим людям работать на государство потом, потому что государство как-нибудь обойдется, а вот бизнес — нет.

Финансовый центр и британское право. Действительно, они сейчас затевают организовать у себя зону по примеру Арабских Эмиратов, специальную экономическую зону с британским правом, с судьями, буквально вывезенными из Арабских Эмиратов. Они вроде закупили там некоторое количество судей уже, и они строят более-менее в степи. Ну, если по примеру Арабских Эмиратов, то надо строить в степи этот финансовый центр. Непонятно, что из этого получится; посмотрим. Но это по крайней мере интересно. Они по крайней мере пытаются. В России Московский международный финансовый центр объявлен построенным, но следы его найти невозможно, к сожалению.

Интересный эффект, о котором мы тоже будем говорить в дальнейших работах, который я бы назвал *leaning effect*. Это то, что страны, которые богаты ресурсами и, естественно, страдают от этого ресурсного богатства, потому что не могут организовать диверсификацию, начинают для успешной диверсификации «прислоняться» к крупному рынку: как Мексика к Штатам, как Ангола к Китаю. Казахстан сейчас тоже потихоньку прислоняется к Китаю; это видно по разговорам, по логике. У России, конечно, тоже есть уникальная возможность прислониться к Европейскому союзу, в этом смысле стать для Европейского союза такой фабрикой, рынком поставляющим. Мы уже много им поставляем, много от них получаем, очень тесные связи. Но для этого нужно немножко поменять внешнюю политику, конечно.

Ну и последняя важная вещь, о которой говорили. Да, все говорят про налоги, и, конечно, кто хочет их больше, кто хочет их меньше, но практика показывает, и казахская в том числе: что бы ты ни делал с налогами, если у тебя не меняется ситуация с рисками, то это никак не меняет предпринимательскую активность. Хоть ты им доплачивай вместо того, чтобы взимать налоги, — все равно это не сильно меняется, потому что риски намного важнее. Посмотрим, что будет говориться об этом в Мексике и в Индонезии; тоже, естественно, как-то сравним. Но пока, похоже, это выглядит так.

И еще раз. Не судите строго, это только-только вот сыро обработанная информация по Казахстану, которая, конечно, ляжет в брошюру значительно более подробно и, надеюсь, интересно, и там же будет и Мексика, и Индонезия, и посмотрим, что это будет за материал.

Лена, может быть, ты?

Чиркова. Здесь уже полтора часа идет дискуссия о ресурсной экономике, а я, выступая не первой, все равно рискну напомнить, что это такое, что такое ресурсное проклятье. Это будет важно в этой презентации, потому что будем говорить о том, как его преодолевать, то есть как те или иные институты его преодолевают, ну и, соответственно, надо понимать, что это.

Обычно механизмы трансмиссии ресурсного изобилия в ресурсное проклятье делятся на два крупных блока — это макроэкономические и политэкономические. К макроэкономическим какое-то время относили долгосрочный понижительный тренд на сырье, то есть была такая гипотеза, что, возможно, понижительный тренд влияет. Но все-таки сейчас экономисты признают, что его нет, он не наблюдается.

Второй механизм — это «голландская болезнь», про которую обычно говорят, что это неконкурентоспособность несырьевых секторов экономики вследствие укрепления курса национальной валюты во время бума. На самом деле явление немножко шире, и у «голландской болезни» есть еще интересное следствие. Вот когда здесь в предыдущей презентации говорилось о буме в банковском секторе, это тоже следствие «голландской болезни», потому что растут в цене те товары и услуги, которые не конкурируют с импортом. Соответственно, большинство банковских услуг не конкурирует, растет недвижимость и создаются перекосы, что, скажем, грубо говоря, соотношение «я могу купить десять тысяч платьев или одну хорошую квартиру» резко меняется.

Политэкономические. Я о них еще буду говорить. Это активность в поисках ренты, которая возникает. Она вызывает коррупцию и прожорливость. Прожорливость — это научный термин; что это такое, я чуть позже скажу. Автократичные институты создаются, и может даже развиваться анархия, вплоть до вооруженного конфликта, и, соответственно, невозможно будет гарантировать права собственности. И в ресурсной экономике, которая характеризуется и большими денежными поступлениями от сырьевых товаров, и волатильностью, и контролем государства, возникает так называемое государство-рантье.

Этот термин был впервые введен иранским экономистом, когда обсуждалась экономика Ирана при шахе Пехлеви. Что для него характерно? Рост расходов во время бума, причем до такого уровня, который не может абсорбироваться экономикой эффективно и поддерживаться в тощие годы, то есть в годы бума не может абсорбироваться, а в тощие годы не может поддерживаться. Типичные завышенные расходы государства. Это слишком высокие по сравнению с возможностями бюджета или пенсионных фондов пенсии, раздутые зарплаты в госсекторе, в частности полицейских и военных, выплаты растущему числу госслужащих (то есть количество госслужащих растет) и крупные

вложения в инфраструктурные проекты. Также энергетические субсидии — одна из наиболее популярных форм распределения природной ренты. С энергетическими субсидиями дело доходит до абсурда. Я смотрела статистику: они могут съедать до 30% ВВП, составляя. В Иране в 2008 году это было 30% бюджета. В некоторых латиноамериканских странах типа Эквадора они в разы превышают затраты на образование.

Энергетические субсидии очень плохи. Ну вот та же самая Индонезия, которая обсуждалась. Они стимулируют внутреннее потребление энергии, и это может доходить до 100% всей произведенной нефти, то есть Индонезия начала отменять субсидии, когда они дошли до 100%, стало нечего экспортировать.

Вторая причина, почему они плохи, — потому что они регрессивны, то есть богатые получают больше. То есть Египет долго упражнялся с субсидиями, и субсидии были на бензин, а в бедной стране у кого машины? — у богатых. В Эквадоре субсидируется газ. Соответственно, богатые строили бассейны с подогревом, и есть подсчеты размера субсидии в год на богатого и на бедного — в десять раз отличается, порядка тысячи долларов и ста долларов. Они очень плохи.

Ну и помимо экономических последствий у государства-рантье есть, так скажем, социальные или политические. Это неполадки в функционировании гражданского общества, вызванные тем, что налоги собираются в первую очередь с ресурсного, с нефтяного сектора. Почему собираются с нефтяного сектора? Потому что это очень просто. То есть гораздо легче собирать экспортную пошлину, чем с нас всех подоходный налог, а люди будут утаивать. И поэтому государство участвует в нефтяной промышленности напрямую, получает дивиденды, оно получает экспортные пошлины, оно получает свою долю в налогах, и так ему просто. И на самом деле даже возникает демонтаж развитой налоговой системы, как произошло в Саудовской Аравии в период нефтяных цен. У них была очень развитая система, очень много мелких налогов, вплоть до взимания платы с паломников в Мекку, и она вся была полностью демонтирована, то есть десятки налогов были отменены, и стали жить за счет нефти. Это очень плохо, потому что нарушается подотчетность чиновников избирателям, и в стране очень низкое социальное давление, направленное на улучшение экономической политики, из-за щедрых социальных программ. То есть высокие налоги в этом смысле с населения — это хорошо. И вот, забегая вперед, скажу, что у меня мнение такое же, как у Андрея Мовчана. Я не люблю платить налоги, но, занимаясь этой темой, я пришла к выводу, что налоги с населения — это хорошо. И то, что Россия переходит, и то, что мне угрожает счет на мою квартиру, то есть налог на мою квартиру, налог на недвижимость сто тридцать пять тысяч рублей, в принципе, это хорошо для общества.

И, соответственно, вот расходы, которые не могут поддерживаться. Все мы помним сараевские олимпийские объекты. Там не было ресурсного проклятья, но, что касается России, конечно, у меня вопрос к аудитории. Я задавала его в своем блоге в фейсбуке. Это ответы моих друзей в фейсбуке, какие инвестиции в инфраструктурные объекты в России самые неэффективные. То есть я спросила жестче, то есть какой инфраструктурный

объект первым сгниет. Вот снизу — это мост Русский, посредине — это космодром Восточный, здесь — это башня триста с чем-то метров в Грозном. Слева верхний — это «Зенит-арена», и еще хуже — футбольный стадион в Саранске, потому что он никогда не будет заполняться, понятное дело, потому что там мало жителей. То есть я считала, что все мужчины, в общем, трезвые должны прийти на футбольный матч, чтобы он заполнился в городе Саранске. Ну и справа — это Азов-Сити.

Теперь я перейду к мерам ресурсного проклятья. Когда тема только начала разрабатываться, в первой базовой работе Сакса и Уорнера то, что они называли ресурсным изобилием, — на самом деле это ресурсная зависимость. Они говорили о доле экспорта ресурсов в ВВП. Здесь статистика на 2010 год, потому что ни одна международная организация на регулярной основе это не рассчитывает и я взяла это из одной статьи МВФ. Здесь представлены все страны, у которых эта доля выше 80%, и я еще включила страны из этого отчета, которые традиционно считаются ресурсными. Это Ботсвана, Норвегия и Россия. Австралия и Канада тоже считаются традиционно ресурсными, их не было в отчете, я нашла в другом месте. Но что вырисовывается? В мире есть двадцать стран, которые очень сильно зависят от ресурсов. Положение России на самом деле неплохое, у нас 52%. Мы лучше, чем Норвегия, мы лучше, чем Австралия, и немножко хуже Канады. Поэтому показатели у России выглядят достойно.

А вот другая мера. Все-таки та — мера зависимости, а эта — мера изобилия. Опять же данные на 2005 год. Вы не удивляйтесь, это не моя нерадивость, просто Мировой банк два раза в жизни делал такой расчет, на 2000 и на 2005 годы, потом перешел к несколько другим расчетам, которые мне кажутся менее интересными. Это доля природного капитала в общем капитале страны. Чтобы понимать, что это такое, надо понимать, что совокупный капитал состоит из материального и нематериального. Материальный, в свою очередь, делится на природный и основные фонды, которые были созданы. Еще в материальный капитал входят нетто-валютные резервы. Обратите внимание, что вот этот показатель — доля природного капитала в общем — может быть больше 100%. Математики спросят: «Как так?» А потому что нематериальный капитал может принимать отрицательные значения по методологии Мирового банка. А что у них нематериальный капитал? Это как раз человеческий капитал, то есть насколько у людей в этой стране есть квалификации для того, чтобы конкурировать в международном разделении труда, и качество институтов.

И вот они оценили. Смотрите, у нас чемпион. Страны я ранжировала (это я считала) по доле природного капитала в общем. У нас чемпион — Конго. Тут у нас два Конго, их не надо путать, Конго и Демократическая Республика Конго, которая бывший Заир. На самом деле Демократическая Республика Конго, которая бывший Заир, как бы первая с конца, чемпион по наличию ресурсного проклятья. Самая плохая страна, я об этом буду говорить, но на первом месте по этому показателю Конго. Еще можно выделить Бруней. У него нематериальный капитал минус сто сорок шесть тысяч. Здесь нет размерности. Это доллары на душу населения. Значит, сто сорок шесть тысяч долларов на душу населения — нематериальный капитал в Брунее. Опять же я выделила Россию. Она выглядит неплохо. У нас 42%. Здесь, конечно, не все страны, а страны, богатые на ресурсы. Но по

сравнению с Канадой и Австралией мы выглядим скромно. И даже Ботсвана (алмазодобывающая страна в Африке, которая считается самой успешной из ресурсных экономик) гораздо успешнее Норвегии с точки зрения темпов экономического роста, у нее нематериальный капитал всего 9%. Наоборот, природный капитал всего 9%, то есть чем ниже — тем лучше, естественно.

Ну и последнее — страны по темпу роста ВВП здесь представлены. Опять я включила страны ресурсозависимые, которые называют среди чемпионов, среди лучших, среди худших. Ботсвана — номер один. С 1960 по 2015 год по всем есть статистика Мирового банка, кроме Анголы, где больше двадцати лет шла гражданская война, поэтому с 1986 года стали мерить статистику. Есть даже за тот период, когда они были колониями. Вот Ботсвана 5,4% показывает, Конго — минус 1,7%, Венесуэла — около 0%. Лучшими считаются Норвегия, Канада, Австралия, Чили, Малайзия, Ботсвана, Таиланд, Индонезия, Шри-Ланка. Ну, кем считаются? Это консенсусное мнение, которое я просто выбирала из разных статей, читала и записывала в табличку. А худшими — Демократическая Республика Конго, Ангола, Замбия, Габон, Венесуэла и Боливия.

Какие критерии успешности? Критерии успешности — это диверсификация экономики и рост ВВП обязательно на душу населения (сейчас скажу почему). Диверсификация, конечно, не самоцель, но все ученые признают, что она стимулирует экономический рост и сглаживает волатильность. А волатильность — это плохо, волатильность — это ужасно, потому что там падение. Подсчитано, что для Нигерии падение цены нефти со ста тридцати восьми долларов до пятидесяти — это потеря 50% доходов бюджета, и там есть всякие нехорошие следствия.

Ну и второе — это развитие демократии. Когда мы видим, что Ангола — 1,3%, она все равно традиционно в числе худших, потому что эти 1,3% достигнуты за счет 5–6% в год в последние десять лет, а до этого там больше двадцати лет гражданской войны и падение ВВП при диктаторе Мабуту. И еще Венесуэла стагнирует.

Я вам хочу сказать, что здесь нет России, потому что у нас нет длинных трендов, но философский вопрос, который я хочу задать, в общем, даже не для протокола: где бы мы были? То есть, может быть, хуже Конго. Почему? Потому что это все на душу. Когда мы говорим об этих странах типа Конго, Венесуэлы, Боливии, я специально проверяла, какой был рост населения. Вот в Ботсване он был в четыре раза, в Венесуэле, по-моему, в четыре с половиной, в Конго — в пять с половиной раз. То есть у вас количество душ, то есть, грубо говоря, пенициллин изобрели, антибиотики изобрели, а презервативами пользоваться не научили. И если бы в России была такая демографическая ситуация, рост населения в пять раз, то есть для экономики, которая в основном сидит на трубе, это крайне опасно, это очень большой риск. Поэтому они выглядят плохо, но если бы мы смотрели на рост ВВП без учета прироста населения, он бы был большим, понимаете, то есть у России все могло бы быть очень печально, если бы с нами произошло то же самое.

И еще я хочу сказать по поводу этого слайда, что эти места в рейтинге, естественно, меняются, и самые важные изменения — это Венесуэла и Индонезия. С Индонезией

ситуация простая. У нее очень хорошие темпы экономического роста, они сохраняются даже после кризиса 2008 года. Но про Индонезию все стали говорить, что она ужасно коррумпированная, что авторитарный режим неизбежно ведет к коррупции. То есть ее по критерию развития демократии перестали относить к хорошим странам. А второй пример — это Венесуэла, которую как раз относили по развитию демократии вплоть до прихода Чавеса к власти, потому что в 1970-е годы она считалась оазисом демократии в Латинской Америке. Когда другие демократические режимы рушились, в Венесуэле все было хорошо — и они даже принимали политических беженцев из других стран.

Поскольку у меня совсем мало времени, давайте я просто скажу, что есть очень много индексов, по которым можно мерить институты. Не буду про это рассказывать, это все более-менее понятно. Скажу только, что важно мерить по разным, потому что места стран очень отличаются. Вот взять ту же Россию, которая по индексу Doing Business очень высоко, мы тридцать девятые, и наши соседи — Япония. Мы его сознательно улучшали, там такие показатели, типа за сколько дней можно зарегистрировать фирму. Ну, у нас быстро. А показатель индекса восприятия коррупции Perceptions of Corruption — мы на сто девятнадцатом месте, и наш сосед — отстающая страна Габон. Поэтому важно мерить по разным.

Теперь я просто хочу сказать, опять потому что мало времени, что все исследования, которые я знаю — вот действительно, я не знаю ни одного исследования, которое бы говорило, что зависимости от институтов нет. Все, которые я знаю, говорят о том, что ресурсное проклятье развивается только в странах со слабыми институтами. Мы пойдем дальше, потому что я, собственно, еще не перешла к теме. Какие институты и как влияют? Я сейчас быстро закончу.

В общем, как мы поняли, из того, в чем проблемы, понятно, если у нас есть диагноз, более-менее понятно, как лечить болезнь. Две основные цели политики, направленные на избавление ресурсозависимой страны от проклятья, — это диверсификация экономики и эффективное расходование средств бюджета. Ученые выделяют в этом смысле вертикальную и горизонтальную экономическую политику. Вертикальной называется та, которая поддерживает только ряд отраслей, а горизонтальная — когда поддерживаются все отрасли.

Что важно? Хорошая защита прав собственности — это понятно, потому что иначе угроза национализации в период высоких цен на сырье, что многие страны проходили. Высокая степень подотчетности правительства. Прозрачность бюджетного процесса, процессов принятия решений, то есть все достаточно тривиально. Очень важен сильный эффективный частный сектор. Меньше стимулов для переориентации на извлечение ренты в тучные годы. И вообще, есть теория, что когда много мелких фирм, у них лоббирование государства не такое сильное, и поэтому лучше много мелких. Поэтому, в общем, вывод, который следует, что «Газпром» все-таки расчленил, чтобы не было разбазаривания бюджетной ренты. Ну и широкое общественное понимание необходимости сберечь часть природной ренты на будущее. В развитых странах это достигается простой рекламой и агитацией достигается, а в слаборазвитых, в общем, не

достигнуть, потому что вообще суверенные фонды характерны в большей степени для богатых стран. Наконец, умеренное налогообложение природной ренты и гибкость фискальной политики. Умеренное в том смысле, что высокое — плохо, низкое — плохо. Высокое отбивает все стимулы что-то развивать, а низкое создает стимулы для национализации в тучные годы. А гибкость фискальной политики хороша чем? Тоже убираются стимулы национализации в высокие годы. Что такое гибкость? Это как у нас, когда НДС и экспортный налог зависят от цен на нефть. Это очень хорошо. Россия выглядит очень хорошо с этой точки зрения.

И контрциклическая бюджетная политика. Что такое проциклическая? Это вот есть одно очень известное исследование, которое говорит о том, что ресурсозависимые страны даже в богатые годы имели дефицитные бюджеты, многие занимали, потому что они надеялись на светлое будущее, этот образ прямо маячил, и правы те страны, которые в это время сберегали. Самый успешный пример — Чили, которая начала много сберегать, у которой есть прекрасный фонд, в который поступают все деньги сверх норматива. А как устроен норматив? Соответственно, независимые люди, два комитета. Один определяет, какие будут цены на медь, другой определяет, какое может быть производство у страны, и по определенной норме деньги поступают в бюджет, а все, что сверх нормы, поступает в этот фонд, дефицит бюджета ограничен и так далее. В общем, Чили в 2000-е расплатилась со всеми внешними долгами, стала нетто-кредитором и прекрасно себя чувствует, и темпы экономического роста у нее очень хорошие. Ну, Мексика просто хеджирует поступления от экспорта нефти. Там тоже есть фонд.

Ну, создание хороших институтов. Естественно, раз мы хотим какой-то стабилизации, создавать стабилизационные суверенные фонды. Стабилизационные стабилизируют экономику в кратко- и среднесрочной перспективе, а суверенные — в долгосрочной. Кроме того, повышается прозрачность управления нефтяными доходами и происходит ревизия доходов бюджета. Почему здесь эта картинка? Она, собственно, про Ботсвану. Есть такая статья в Ботсване «Diamonds are forever», потому что суверенные фонды — это способ трансформировать невозобновляемый ресурс в возобновляемый. Вы превращаете в деньги, а деньги вкладываете в акции, и акции, как известно, живут вечно и приносят доход вечно.

Но мало иметь фонды. Вот это предпоследний слайд. Надо, чтобы эти фонды тоже были определенным образом устроены. Важна жесткость правил отчислений в фонд и изъятия из него, потому что многие страны меняют эти правила в зависимости от того, какая цена. Некоторые еще более хитрые вещи делают. Мне понравился пример Алжира, которому нельзя было изымать денежки из фонда, и они это правило нарушать не стали, но зато придумали выпустить облигации, обеспеченные доходами фонда, формально выполнили правило. Очень важно, какой размер изъятий, и хорошей практикой считается, что ограничивают размер изъятий только реальной доходностью, то есть номинальной минус инфляция, для того чтобы капитал в реальном выражении фонда сохранялся.

Очень важно, на что идут траты из фонда. Здесь у меня везде знаки вопроса, потому что это большая дискуссия. Либо финансировать инфраструктурные социальные проекты;

многие говорят, что это плохо, Ботсвана успешная там, у них формально это запрещено. Равные выплаты всем жителям страны или региона. Такое существует. Это существует на Аляске. Там, правда, мало населения, но там выплаты доходят до двух тысяч долларов в год, а поскольку в 1986 году жители еще успешно проголосовали против отмены подоходного налога, там отрицательный подоходный налог, и вот в этом году губернатор забаллотировал такие выплаты, сказал: «Тысячи хватит». Остальное осталось в фонде. Можно финансировать дефицит бюджета и можно финансировать пенсии будущих поколений; типичный пример — Австралия. Из всех фондов, про которые я прочитала, мне больше всего нравится австралийский. Оттуда нет изъятий, там очень высокая доходность, они показывают почти 8% в год, очень устойчиво, и действительно, цели фонда — это доплаты пенсионерам, которые выйдут на пенсию после 2020 года, потому что там плохая демография, и вот, в общем-то, видимо, будет все в порядке. Что касается хваленной Ботсваны и ее хваленного фонда, то она в последнее время истощила, и выплаты были направлены на такие, в общем, цели, которые не нравятся современным экономистам, которые занимаются ресурсным проклятьем. Это типа тоже поддержания выплат пенсионерам из госсектора, что, в общем, считается не очень хорошим использованием.

Ну и последнее. Как выглядит Россия с учетом всего вышесказанного. Сильные стороны. У нас не очень высокая ресурсная зависимость. У нас высокий рейтинг Doing Business. Наша бюджетная политика ближе к контрциклическому типу, несмотря на все наши расходы на Олимпиаду, и у нас низкий внешний долг, как следствие. У нас все-таки созданы стабилизационные фонды, тот и другой. И у нас растут налоги на физических лиц; как я сказала, увы, это плюс.

Слабые стороны. Низкий рейтинг восприятия коррупции. Высокие дискреционные расходы типа Олимпиады, чемпионата по футболу. Неэффективное инвестирование (я это уже говорила) в игорные зоны, свободные экономические зоны. Видимо эти деньги все будут потеряны. Нет законодательных ограничений размера бюджетного дефицита. Низкая прозрачность бюджетного процесса. Скромные результаты управления национальными фондами, их небольшой размер. У нас где-то пятьсот долларов на человека в Фонде национального благосостояния против полутора тысяч у Ботсваны, после того как он сократился в несколько раз, и против четырехсот-пятисот у Австралии, а там относительно молодой фонд. У нас происходит изъятие на спорные цели. Все вы помните, что «Роснефть» ходила и просила два триллиона — и ей не дали, но на поддержку банков, которые якобы будут поддерживать инфраструктурные проекты, дали. Стабилизационный фонд близок к исчерпанию. Ну и чего здесь нет, я уже это упоминала, что у нас эти крупные госмонополии, крупные госкомпании, нефтяные компании, которые, конечно, надо расчленять, потому что это точно плохо.

На этом все.

Мовчан. Спасибо.

Дмитрий, может быть, два слова о Казахстане, как мы говорили? Вернувшись чуть-чуть к теме.

Родин. Спасибо. Я хотел бы исходить так из определения. Вот мы начали говорить о ресурсном проклятье, и Елена большую работу по представлению аналитики провела. Я абсолютно согласен со сказанным в отношении следствия неподотчетности элит, но в то же время с некоторыми вопросами хотел бы подискутировать и отсюда выйти как раз на ситуацию в Казахстане.

На мой взгляд, определение ресурсного проклятья, как я его даю, намного проще, то есть маржинальность сырьевого экспорта выше или ниже, чем несырьевого производства. Отсюда следует и конкуренция на рынке труда, и многие другие вещи. Поэтому если государство обеспечивает высокую маржинальность сырьевого экспорта, то абсолютно неважно, какой объем стабилизационного фонда, и абсолютно неважно, какие налоги на физических лиц, какие налоги на нефтяные компании. Итоговая (после выплаты налогов) маржинальность выше — все, это приговор, в стране ресурсное проклятье. Поэтому как раз, опять же в силу моего понимания действительности, я считаю, что тот же стабилизационный фонд в России по определению не может избавить нашу страну от ресурсного проклятья.

Вот тут тоже один из тезисов, который прозвучал, что диверсификация должна привести к экономическому росту. Опять же, на мой взгляд, высокая маржинальность несырьевого производства сама благодаря запуску рыночных механизмов приведет к диверсификации бизнеса. Не надо модерировать, не надо управлять. Если маржинальность в несырьевом секторе высокая, то компании мелкого, среднего и крупного бизнеса сами найдут сферы приложения своих сил. Другое дело, если все стремятся выйти на ресурсный рынок, но тогда это другая конкуренция, и это действительно конкуренция лоббистов.

Если резюмировать, какие факторы, на мой взгляд, являются ключевыми? Это экспорт или импорт сырья происходит; экспорт или импорт высокотехнологичной продукции; какая выручка на одного сотрудника, скажем, в несырьевом секторе наблюдается. Это очень важный показатель, потому что если мы посмотрим на выручку на одного сотрудника компании, скажем, в авиапроме, просто по которому у меня есть статистика, то в России это около 36 тысяч долларов на человека (данные 2015 года). В Китае — 89 тысяч долларов на человека, в Мексике — 154 тысячи, а Канада и США — это 340–350 тысяч долларов на человека. То есть мы можем по очень понятному критерию оценивать ситуацию в несырьевом секторе экономики. Поэтому, на мой взгляд, это более четко разделяющие сырьевой и несырьевой секторы критерии.

Что касается Казахстана. В Казахстане, безусловно, мы можем посмотреть на такие крупные компании, как, например, ERG, как Усть-Каменогорский титаномагниевого комбинат, к примеру, и совершенно понятно, что сырьевой экспорт достаточно выгоден. В качестве примера мы можем посмотреть эффективную работу Мексики. Мексика лишена сырьевого проклятья, ресурсного проклятья, и, в частности, это потому, что сохранились очень жесткие, выработанные достаточно давно правила в отношении природных

ресурсов, и главная мексиканская нефтяная компания вынуждена платить более 50% выручки (не прибыли, а выручки) в казну. Это сдерживает их и разведку, и переоснащение производства и так далее. То есть их задушили налогами, и страна развивает несырьевой сектор экономики. Для сравнения, если сравнивать Мексику и Канаду, то в расчете на миллион человек у них одинаковое количество человек занято в высокотехнологичном производстве, Канада и Мексика. То есть это очень хорошее развитие, то есть удушить нефтяной сектор — это очень хороший способ борьбы с ресурсным проклятьем. Я не говорю, что это какая-то рекомендация, но по факту Мексике это очень помогло, и они вышли на те показатели, на которые мы сейчас в авиапроме пока не вышли, притом что у нас бэкграунд намного серьезней.

Поэтому я думаю, что надо признать, что в Казахстане есть очень много вещей, которые предпринимаются правильным образом. Это в отношении вложения денег в образование. Это в отношении финансирования высоких технологий из бюджета сырьевых компаний. Там есть вот это как бы правило отчисления 1% от сырьевого экспорта на развитие высоких технологий. Это тоже очень правильно. И пример той же Мексики и других стран, поборовших ресурсное проклятьем, показывает, что это шаг в очень правильном направлении. Но в то же время, если быть строгим, следовать определению, маржинальность сырьевого экспорта выше или ниже, чем несырьевое производство, то я думаю, что, к сожалению, нужно признать, что Казахстан на этом пути сделал правильные шаги в правильном направлении, но все-таки от ресурсного проклятьем еще не избавился.

Мовчан. Спасибо.

Ну что, у нас есть, на самом деле, еще одна работа в рамках гранта. Сергей, может быть, пару слов скажете тогда — о чем? Уже, видимо, быстро, потому что она только-только начинается.

Ермолаев. Да, моя работа еще в начале пути. Что касается, я хотел тоже сначала сказать несколько слов к предыдущей дискуссии, поскольку четыре года назад мы выпустили книгу «Феномен ресурсного проклятьем в экономическом развитии», где исследовали разные механизмы.

Мне вот сейчас пришла мысль, что ресурсное проклятьем — в какой-то степени это следствие негибкости экономики. Как бы вот кейнсианские рецепты даются в тех случаях... Вот кейнсианство и неоклассическая экономика. Неоклассическая экономика хороша, когда рыночные механизмы гибкие, цены гибкие. Кейнсианство хорошо, когда все негибкое — цены негибкие, негибкие зарплаты. Вот даже взять, допустим, один из механизмов ресурсного проклятьем — «голландскую болезнь». Чем она плоха? Казалось бы, если цены на сырье в мире повышаются, значит, сырьевой сектор данной страны, то есть страна просто реализует свои сравнительные преимущества, значит, ей становится выгодно продавать сырье.

Чем плохо? Плохо тем, что страна не может вовремя перестроиться в тот период, когда цены на сырье начинают падать. Ну, скажем так, это следствие провалов рынка. То есть,

например, что происходит? В тот период, когда развивается сырьевой сектор, страна не инвестирует достаточно в человеческий капитал. Возникают разные эффекты, например *learning by doing*. Если, допустим, в этот период, когда цены на сырье высокие, авиационный сектор не развивается, то известно из разных исследований, что в авиационном секторе очень высокий эффект *learning by doing*. Вот, например, исследование во время Второй мировой войны по США производства военных самолетов. За четыре года издержки на производство одного самолета упали больше чем на 20%. За счет чего это происходит? За счет больших объемов производства. Сейчас каждый год Boeing или Airbus производят, наверное, в районе 350–380 широкофюзеляжных самолетов. Вся российская авиационная промышленность производит в год, может быть... Широкофюзеляжных сейчас мы вообще, может быть, почти не производим, ну а если среднефюзеляжных, может быть, в районе двадцати. Сколько — я тут точно не могу сказать. И получается, что ресурсное проклятье плохо именно из-за негибкости. Если бы экономика была очень гибкой, то тогда ничего плохого бы не было в принципе. То есть когда цена на сырье падала, экономика бы очень быстро перестраивалась на то, что выгодно сейчас. Но экономика быстро перестроиться не может, и поэтому она начинает страдать.

По поводу того, что сейчас я начинаю писать. Сейчас я занимаюсь изучением, скажем так, впадения в ресурсозависимость Советского Союза. На основе того, что я сейчас изучал, складывается ощущение, что по нефти где-то с 1972 года (вот это открытие крупных западносибирских месторождений), по газу где-то с 1976 года. Что интересно, цифры не очень большие. Я вот нашел пока две цифры по экспорту нефти в долларовую зону. Советский Союз же экспортировал как в долларовую зону за свободно конвертируемую валюту, так и, скажем так, снабжал страны СЭВ. В долларовую зону — вот цифры. Например, в 1970 году по одной оценке — 1 млрд 50 млн долларов, по другой оценке — вообще 570 млн долларов. 1989 год — 14,7 млрд долларов, по другой оценке — 11,9 млрд долларов. То есть по меркам 2000-х годов это вообще цифры... Но, правда, это доллары того времени, но все равно цифры очень малы.

Вот есть известная работа Клиффорда Гэдди и Барри Айгса, у них целый ряд работ. Они ориентируется на исследования, скажем так, доли ресурсной ренты, нефтегазовой ренты в ВВП страны. Причем они ее рассчитывают, правда специфическим образом: как, скажем, не фактическая рента, а как потенциальная, как мировые цены сырья за вычетом средних издержек на производство. Но они, правда, сами оговариваются, что, например, Советский Союз ведь не продавал значительную часть нефти по мировым ценам. Она шла либо внутри страны, продавалась вообще в несколько раз дешевле, чем по мировым; в страны СЭВ она поставлялась тоже очень дешево. И опять-таки, то есть оценки примерно такие, что доля нефтегазовой ренты где-то в 70–80-е годы была в районе 11% от ВВП Советского Союза. Если брать, скажем, период 2000-х годов, там, по-моему, где-то, ну, я сейчас не буду обманывать, нужно посмотреть, может быть, до 2009 года они дают цифру 33%. Тут тоже, может быть, цифра несколько завышенная, но есть другие оценки. Евсей Гурвич в статье в «Вопросах экономики» 2010 года — там они давали цифру, по-моему, в районе двадцати с лишним процентов.

Вопрос, почему несколько сложно анализировать сырьевую ренту, скажем так, ресурсозависимость Советского Союза, потому что были очень специфичные формы распределения сырьевой ренты. Скажем так, Гэдди и Аикс приводят такую аналогию, как перевернутая воронка, воронка, перевернутая вверх ногами, что сверху находится нефтегазовый сектор — и оттуда рента течет вниз в другие секторы. Но они, более того, утверждают, что в значительной степени советская промышленность была, скажем так, неконкурентоспособной по мировым меркам и жила за счет нефтегазовой ренты. Конечно, это утверждение нужно еще проверять, тут я не все работы посмотрел. Есть разные, то есть тут какой еще момент? Что в 70-е годы, такое общее мнение, что Советский Союз начал развивать нефтяной сектор сверхфорсированно, то есть более форсированно, чем это требуется, скажем так, с точки зрения экономической эффективности.

Есть такое известное правило Хотеллинга; может быть, вы слышали. Смысл состоит в том, что нефть, ресурсы из земли нужно добывать следующим темпом. Если, скажем, ресурсы находятся в земле, если их стоимость растет быстрее, чем стоимость соответствующего депозита в банке, то лучше держать ресурсы в земле. То есть до тех пор, пока ресурсы в земле растут быстрее, чем растет депозит в банке, то лучше их держать там. Когда, допустим, стоимость депозита в банке начинает превышать скорость роста стоимости ресурсов, то в этот период нужно ресурсы извлекать.

С этой точки зрения в Советском Союзе ресурсы в 1970-е годы извлекались сверхбыстро. Скажем так, точка зрения многих авторов состоит в том, что известные косыгинские реформы 1968 года во многом были свернуты благодаря тому, что цены на нефть начали быстро расти. И уже, скажем, даже когда начали развиваться газовые месторождения, строить газопроводы в Европу, то с 1976 по 1980 год практически полностью весь доход от экспорта в Западную Европу уходил в качестве платы за поставки труб, разного оборудования, то есть все оборудование, вся техника шла из Австрии, из Германии, из Италии. То есть там есть цифры, как рос, очень естественная корреляция импорта продовольствия, обуви, одежды в Советский Союз с экспортом нефти. И там есть, например, известное высказывание Косыгина, премьера в конце семидесятых годов, когда он звонит, по-моему, министру нефтяной промышленности и говорит: «Дай еще три миллиона тонн нефти, не хватает хлебушка». То есть не хватало уже средств для импорта зерна. То есть, по-моему, там дошло до того, что Советский Союз больше двадцати миллионов тон зерна импортировал.

Крутихин. Больше сорока.

Ермолаев. Больше сорока? Я сейчас могу ошибаться.

То есть, в общем, это интересно, и поэтому те механизмы ресурсного проклятья, которые традиционно анализируются для стран рыночных или квазирыночных, в Советском Союзе были другими. И тут вот стоит задача их осветить более подробно.

У меня пока все.

Шварц. Коллеги, у меня на самом деле, вот я послушал очень интересное выступление, я пытаюсь для себя как-то сформулировать отношение и, наверное, вопрос. Во-первых, на мой взгляд, ресурсное проклятье должно быть проклятьем в кавычках. Моя личная позиция — я никогда не соглашусь, что оно все-таки проклятье. Это первое замечание.

Второе замечание. Есть ли смысл разбирать неудачи? Ведь смотрите, большинство кейсов, которые действительно, где ресурсное проклятье являлось ресурсным проклятьем, — это абсолютно невероятный мисменеджмент государства или политической системы. И нет конца изобретательности, этому мисменеджменту и этой неэффективности. Это может быть Венесуэла, это может быть Африка. Мы просто, там каждый раз видишь статью и думаешь: «Ничего себе! Вот додумались ребята!» Соответственно, нет предела.

С другой стороны, есть абсолютно понятные success stories. Да, это то, что уже здесь прозвучало, — Норвегия, это то, что здесь прозвучали Эмираты, и, в общем, интересно изучить проблемы этих кейсов, потому что у них есть абсолютно... У них тоже есть проблемы. Это success, но с явными проблемами.

И, наверное, я бы предложил рассмотреть еще один кейс — Соединенные Штаты, потому что с точки зрения добычи ресурсов все, о ком мы говорим, далеко-далеко за Штатами. Просто с точки зрения per capita цифр они получаются меньше, но с точки зрения ресурсов, с точки зрения нефти Америка на сегодняшний день — первое место вместе с Саудовской Аравией и с Россией, они постоянно туда-сюда ходят. Вот это интересные кейсы. И для Америки вообще нет не то что проклятья, а у меня такое ощущение, что плюс-минус вообще нерелевантно, что происходит с нефтью. Ну, она подороже стала, подешевле стала. Когда появился сланцевый газ, развилась новая индустрия, а до этого так все, в общем, было очень спокойно.

Мовчан. Спасибо. Я, если можно, саркастически усмехаясь, скажу, что это был представитель компании «Сибур». Добро, очень добро усмехаясь, на самом деле. Можно я очень быстро отвечу, потому что у нас еще целых два выступления, а потом еще, может быть, целых несколько минут дискуссии?

По поводу success stories — вот посмотри, пожалуйста, Игорь, книжку. Там про Норвегию и про Эмираты есть, и там про то, как это не success story, тоже. Потому что, как нам кажется, по крайней мере ну я вообще такой как бы адвокат дьявола, я не люблю successes, я люблю изучать failures. Но, как мне кажется, successes в ресурсных областях нет. И как раз изучать надо ровно потому, что хочется, чтобы в будущем successes были, а вот на сегодня таких оптимальных вариантов как бы не видно. И та же Мексика, например, про которую можно много хорошего сказать, но только там после семи вечера на улицу нельзя выходить.

По поводу Соединенных Штатов Америки. Соединенные Штаты Америки, безусловно, ресурсозависимая экономика, только ресурс там другой. Это не нефть. Там можно посмотреть просто по цифрам. Нефть — хорошая вещь, но она, особенно вот в период сейчас бума, не играла такой роли. А вот доллар, который они добывают, — это

безусловный ресурс, и американская экономика показывает все вообще формы зависимости от доллара как ресурса. Этот доллар действительно активно экспортируется и внутри используется субсидированно и активно при этом. И эта тема, конечно, тоже ждет своей очереди. Когда я буду чуть старше, у меня времени будет чуть больше, я, может быть, буду писать про альтернативные виды ресурсных зависимостей, в том числе про зависимость от финансовой системы как ресурса. Нет, ну конечно, в любом случае это тема важная, и понятно, что итогом нашей работы по гранту будут рекомендации. Рекомендации невозможно делать out of failures. Можно сделать только out of successes. Спасибо.

Родин. То, что хотел сказать еще, как раз в продолжение этой темы, что очень важно посмотреть именно на сальдо, почему я говорю — экспорт или импорт. Потому что если мы посмотрим на абсолютные значения добычи нефти, то те же Соединенные Штаты могут показать большой показатель. Мы считаем, что Россия или Казахстан — достаточно серьезные добывающие страны. Но если мы посмотрим, сколько добывается нефти на душу населения, то мы увидим, что Россия, Казахстан, Венесуэла добывают от пяти до десяти тонн топлива на душу населения, а если мы посмотрим уровень потребления, скажем, в США и Канаде, то это в среднем получается восемь тонн на человека. То есть если бы у нас было потребление такое же, как в развитых странах, то нам бы пришлось нефть импортировать. Поэтому это очень такое условное ресурсное проклятье и очень условный избыток ресурса. И как раз в этом плане, если США импортируют нефть, то это значит, что, сколько бы они ни добывали, если они работают на импорт, то, значит, все хорошо.

Мовчан. Спасибо. У нас еще два выступления. Сережа, мы тогда тобой закончим, если можно.

Тамбовцев. Да, конечно. Спасибо.

Я, собственно, здесь, как говорил классик, «волею пославшей мя жены». Мне был поставлен вопрос, вот ответить на вопрос, в чем же различие между ресурсным богатством и ресурсным проклятьем. Это точная формулировка, которая взята из приглашения. Название придумал не я. Ну, так исторически сложилось, что предложение по раскрытию, по ответу на этот вопрос у меня, в общем, уже некоторое время назад появилось, поэтому я, собственно, о нем и буду говорить.

Маленькое вступление. Мы сегодня выслушали значительное число трактовок ресурсного проклятья. К сожалению, не прозвучал (или я прослушал, что тоже очень вероятно) тот смысл этого выражения, который вкладывали авторы самой идеи, а именно — Сакс и Уорнер, 1995 год.

В чем же заключалось, с их точки зрения, ресурсное проклятье? Это просто высокая обеспеченность страны природными ресурсами негативно влияла на темпы экономического роста, как показали их расчеты. То есть вся суть ресурсного проклятья у авторов термина — это более низкие темпы роста в тех странах, где много природных

ресурсов, и более ничего. Все остальное, о чем сегодня говорили, — это результаты последующих исследований в совсем других областях. Если мы будем придерживаться классиков в данном вопросе, то такие вещи, как демократия, негибкость экономики, что-то еще, к ресурсному проклятью не имеют никакого отношения. Это разные характеристики разных экономик. Как все несчастные семьи несчастны по-своему, так все плохо работающие экономики плохо работают по разным причинам. Вот и все, если следовать.

Но вот уже в 2008 году появилось достаточно такое представительное исследование Брашвайлера, которое показало, что все не так. Которое показало, что страны, которые богаты природными ресурсами, хорошо развиваются. Правда, если вы обратите внимание на название его статьи, там после вопроса — по поводу проклятье или не проклятье — звучит некое перечисление, а именно: обеспеченность природными ресурсами, институты и экономический рост. Вот второе слово отсюда, то есть «институты», является, по Браншвайлеру, ключевым. Поскольку он показал, что высокая ресурсная обеспеченность позитивно влияет на темпы экономического роста, то переключателем с плохих темпов на хорошие темпы оказалось качество институтов. Соответственно, такая довольно широко развитая в мировой литературе тема, что никакого ресурсного проклятья-то нет. Есть проклятье плохих институтов. Это не мое изобретение, это звучит во многих работах, подтверждено во многих работах.

Правда, при этом остается крайне интересный вопрос: а что определяет качество институтов? Почему в одной стране они плохие, а в другой хорошие? А ведь они — переключатель, который транслирует или не транслирует богатство природными ресурсами в нормальное качество и роста, и благосостояния, и всего прочего.

Ну вот, в 2000 году я себе позволил напечатать такую ненаучную статью, популярную, которая называлась «Парадокс российской бедности», в популярном журнале. Поскольку у меня не было тогда никаких подтверждений, это была чистая гипотеза, что если в экспорте страны есть большие, значительные доли доходов от концентрированных ресурсов, да еще это в стране, в которой демократия внове или это вообще автократия, результатом будет плохая защита прав собственности. В чем механизм, с моей точки зрения, заключается вот этой странной связи, при чем здесь концентрированность, при чем здесь молодость демократии или отсутствие демократии? Как все это связано с темпами экономического роста? Мне кажется, что рассуждение в макроэкономических терминах в данном случае в принципе непродуктивно по очень простой причине. Все, что в обществе и в экономике происходит, делают совершенно конкретные люди, движимые или не движимые совершенно конкурентным стимулами, движимые в одну сторону либо в другую. Люди эти живут в условиях разных правил, в том числе неформальных правил, они входят в группы, ну и так далее, и так далее. То есть надо смотреть, что делают люди.

Итак, механизм. Если есть доходы от экспорта, их, конечно же, легко присваивать, нежели чем через сложную систему налогообложения. Это таможенная пошлина, а там — ставь своих людей, особенно если точек вывоза мало, ну а остальное — госграница, то понятно. Ограниченность потенциала защиты, потенциала насилия. Ну, у государства потенциал

насилия самый большой. Естественно, он ограничен. Соответственно, когда появляются легко присваиваемые доходы, то ограниченный потенциал насилия, потенциал защиты переключается на защиту источника этих доходов.

И вот здесь вопрос концентрированности источника очень важен. В одной из исходных книг (я забыл, в общем, это еще, по-моему, 1997 год) рассматривался пример таких в кавычках «ресурсообеспеченных» стран, как Коста-Рика и одна из нефтяных стран, если я не ошибаюсь. Авторы, рассмотрев эти два кейса, пришли к удивительному выводу о Коста-Рике. Там же кофе, там все в порядке, там должна быть вот некая плохая связь с качеством. Ничего подобного! Все нормально. В чем разгадка? А кофе — это земля, а земля — это не концентрированный ресурс. Он есть, он распределен, и нет эффекта масштаба. Если вы будете выращивать кофе на огромной плантации, ваши транзакционные издержки превысят выгоды, которые возникают, когда кофе производится на сравнительно небольших участках. Вот и все. А нефтяное месторождение — оно фиксировано. А сланцевый газ не фиксирован. Это же природа самой технологии сланцевого газа, поэтому сланцевый газ добывают маленькие компании. Ну, это в качестве примеров. Итак, коль скоро ограниченный ресурс переключается на защиту источника доходов от экспорта, то ослабляется защита других прав собственности. Ну а дальше уже все понятно. Как только эти права ослаблены, так происходит все плохое с инвестициями, все плохое и т. п. Ну, это гипотеза.

Причем да, второй фактор, молодость демократии или вообще ее отсутствие. В чем же здесь дело? Если правитель переключается с режима защиты прав собственности вообще на режим их размывания, концентрирует свои усилия на защите, будем говорить условно, трубы или пакетиков с алмазами (это неважно, это все малообъемное и легко защищаемое), когда это происходит? Именно тогда, когда выгода от размывания начинает превышать ожидаемые издержки от снижения налоговых поступлений. Как только такой перелом произошел. Для него! — я подчеркиваю, не для страны, поэтому расчеты тонн на душу абсолютно ни о чем не говорят. На какую душу считать? На душу приближенных к правителю — это одна ситуация. Таких душ немного. Или на души, которые, так сказать, живут везде? Их может быть много, но правителю это неинтересно. Ему другие души интересны. Что может помешать переключению? А вот та самая легитимность демократического режима, которая приобретает длительностью его существования. Если такого опыта нормально функционирующего демократического режима нет, то с легитимностью ничего не происходит. Вновь созданная демократия как раз может оказаться нелегитимной, поскольку в момент перехода от додемократического к демократическому режиму может произойти некое ухудшение. Ну, смотрите вокруг — сколько там? — двадцать пять лет назад. Ну вот.

Соответственно, гипотеза, которую стало можно проверить после всех этих размышлений, что политико-экономические параметры страны негативно связаны с высокой ресурсной обеспеченностью, с одной стороны (концентрируемыми, естественно, источниками), и низкой легитимностью демократического режима. Переменная длительность существования этого режима. Мы проверили эту гипотезу. Опубликовано в 2007 году. Вместе с сотрудницей все это дело мы рассчитали по всем странам, где более или менее

концентрированные источники природных ресурсов, то есть это металлы, алмазы, нефть, газ. Так сказать, все нормально, оснований, чтобы отвергнуть гипотезу, мы не обнаружили. Я не хочу говорить аккуратно, что мы ее подтвердили, но мы не нашли оснований для того, чтобы ее опровергнуть. Причем проверяли условную причинно-следственную связь, поскольку появилось за обозримый период, когда уже была хорошая статистика, много новых демократий, просто десятки, поэтому можно было применить тест Грейнджера и проверить условную причинность, то есть что раньше чего происходило. Ну вот, отвергнуть гипотезу не удалось.

Что важно подчеркнуть про эту гипотезу? Это расчеты, которые характеризуют всю массу таких стран, поэтому их нельзя применять к каждой отдельно взятой стране. Вот звучал десять минут назад пример Штатов. Доходы высокие и т. д. Ни к какой отдельно взятой стране применить статистическую зависимость в принципе нельзя, неверно. Все равно что считать, если... Вчера было некое мероприятие, где обсуждалось влияние культуры, там я уже забыл на что. Ну, были замерены по совершенно нелепой методике Герта Хофстеде, соответственно, ценностные установки работников одной крупной фирмы, представленной в разных регионах. Отсюда товарищи начали делать вывод о том, что ценности всего населения региона таковы, каковы у этих вот товарищей обследуемых. У статистиков это известно под названием экологическая ошибка, то есть вы свойства, присущие целому, переносите на каждый отдельный элемент. Этого делать ни в коем случае нельзя. Вот это нельзя делать, когда эта гипотеза, не опровергнутая, начинает некоторыми товарищами применяться к каждой отдельно взятой стране. Все страны имеют разные основания для того, чтобы расти плохо и иметь плохие экономики. Но в целом для всей совокупности зависимость примерно такова.

А что отсюда следует? Что, конечно же, средствами политики можно повлиять на процесс социально-экономического развития. Я выделил желтым: при одном важном условии. С моей точки зрения, наличие или отсутствие политической воли определяется совершенно простой вещью: для правителя лично в широком смысле, не в денежном, выгодно это делать или невыгодно. Если выгодно — политическая воля налицо. Если для него, с их самыми разными структурами функций полезности, самыми разными, если для него в соответствии с этой функцией полезности делать что-то выгодно — он это делает, политическая воля есть. Если невыгодно — ну нет, конечно.

Спасибо.

Мовчан. Спасибо. Мне кажется очень важным ровно про то, что сейчас говорили, сказать, что мы примерно так и двигаемся, беря различные ресурсозависимые страны и понимая, что они уже ресурсозависимые, поэтому их можно как-то объединять в группу, и пытаюсь понять, а что, собственно, их различает и почему у них разные уровни развития, и на этой базе кластеризуя, а не пытаюсь описывать их как некоторое единое целое.

У нас есть еще целых двадцать пять минут. Нам нужно уложить вопросы финансового рынка и рудиментарную дискуссию.

Романчук. Я попробую запустить презентацию, тут у нас возникли некоторые проблемы с этим.

Я действительно быстренько, потому что двадцать пять минут нам, наверное, можно потратить с большей пользой.

Понятно, что, собственно, таких стран много, у которых товарный, и в частности нефтяной, экспорт составляет большую часть, собственно, от экспорта, и соответственно карта по доле ВВП. Говоря о собственно влиянии на валютный курс, естественно, это влияние может быть различным в зависимости от того, какой именно режим валютного курса установлен в той или иной стране. Собственно, эти валютные режимы — их выбор отчасти является ценностным, а отчасти продиктован исторически, и происходит эволюция. И, собственно, дискуссия, которая может быть интересной в разрезе того, какую валютную политику нужно проводить, — конечно, ответ на этот вопрос многие исследователи ищут в том, какой режим валютного курса, соответственно, возможен. Мы понимаем, что есть ограничения, существует невозможная троица, что вы не можете одновременно иметь фиксированный курс валюты, не иметь ограничений по движению капитала, то есть иметь открытость для финансовых потоков, и проводить независимую денежно-кредитную политику, тем самым таргетируя процентные ставки и инфляцию. Нужно чем-то, так сказать, пожертвовать, и валютный курс — это, наверное, одна из таких самых не то чтобы простых, но очевидных вещей, какой тут может быть режим. IMF и экономисты имеют немножко разную градацию, но в целом она заключается в том, что от самого независимого плавания, когда валютный курс полностью определяется рынком, и до привязки currency board и долларизации, когда у вас страна использует не свою валюту, потому что при currency board количество локальной валюты, которая печатается, соответственно равно количеству золотовалютных резервов, и, собственно, курс у вас тоже фиксирован.

Если мы посмотрим, как меняется, какое количество стран какой режим валютного курса имеют, здесь вот табличка IMF, в которой показаны проценты стран, которые исповедуют ту или иную валютную политику. Так вот, что происходит, собственно, каковы тенденции в различных ресурсозависимых экономиках с точки зрения выбора политики валютного курса?

В целом можно констатировать, что за последние три года многие страны, многие валюты учатся плавать. Вот на этом плохо читаемом графике представлены, собственно, курсы стран, которые нам, наверное, наиболее интересны. Вот зелененьким — это российский рубль; довольно, я думаю, узнаваемый курс. Дальше внизу мы видим две валюты, которые, собственно, давно научились плавать. Это красненьким у нас показана норвежская крона, а голубеньким мексиканский песо. Как видим, плавание привело к тому, что даже их валютные курсы не испытали каких-то шоков, связанных с резким падением цен на нефть, которое, собственно, случилось во время этого периода, когда мы видим вот такой резкий курс доллара к рублю. Понятно, что наш вот этот спайк был связан как раз таки с переключением из режима управляемого плавания и, по сути дела,

таргетирования в диапазоне в собственно свободное плавание, и с этим связана, так сказать, такая вот волатильность.

А вот дальше интересно посмотреть, какие еще близкие нам страны переключились. Вот темно-синеньким — это Казахстан, который пытался, собственно, проводить политику, переставлять курс ступеньками, то есть такого управляемого таргетирования, и затем также перешел именно к инфляционному таргетированию, когда отпустил курс, сосредоточился на ставках, и, собственно, что у нас получилось? Ровно такой же скачок в процентном отношении, потому что за сто взято значение вот здесь, это, соответственно, на 1 января 2014 года. Азербайджан — красным. Тоже пришел ровно практически сюда. Нигерия тоже, так сказать, пыталась здесь держать курс, здесь вот переставилось, здесь у них, так сказать, некоторый смешанный, то есть по собственно методологии они считаются сейчас страной с плавающим курсом, но как бы они пытались, так сказать, этого тоже не допускать, потому что здесь уткнулись как раз в коридор.

Таким образом, есть некий общий тренд переключения из режима, когда вы управляете, вы имеете якорь в экономике в виде валютного курса, к менее понятной, так сказать, публике, которая живет в богатых ресурсами экономиках, режимы инфляционного таргетирования.

Что, соответственно, можно сказать, вот когда вы позволили валюте плавать, то, конечно, дальше вы можете рассмотреть, какие у вас возникают, собственно, зависимости. Здесь представлено большинство (безусловно, не все, неполная табличка, торопился, не собрал все, что хотел) стран, для которых проведены тщательные исследования этого факта. Здесь отмечены, соответственно, плавающие курсы; *managed* — это управляемое плавание в том или ином виде; и, по сути дела, фиксированные курсы. Вот интересно, что Венесуэла считается фиксированным курсом, но, как было бы, конечно, интересно привести график, вот он такой же, как в Казахстане, примерно был, только, соответственно, у них вот этого официального как бы плавания, есть ступеньки, но если мы посмотрим на официальный и неофициальный курс, они будут сильно отличаться. В общем, это такая тяжелая история.

Так вот, какие факторы влияют в принципе на валюты на товарных рынках? Да, это, собственно, цена на ресурс. Но что еще влияет и что заметно? Это аппетит международных инвесторов к риску, насколько реальные процентные ставки высоки, насколько номинальные ставки высоки, насколько как бы дальше готовы рисковать те инвесторы и собственно граждане. Это как меняется доллар ко всем остальным, собственно, валютам и каковы различные риски: политический риск, санкции и вопросы денежной ликвидности. Вот интересная работа была в этом году сделана Банком международных расчетов, в которой он как бы задался вопросом, насколько все-таки валютные курсы определяются движением товарных рынков и, соответственно, отличаются и является ли, например, наблюдение за эволюцией товарных цен, обладают ли они какой-то предсказательной силой, так чтобы модели отличались от моделей случайного блуждания. Вот было выбрано одиннадцать стран, здесь показана степень их зависимости от экспорта сырья, и, собственно, они сделали достаточно аккуратно, то есть

они построили индексы, взяв корзину всех товаров, которые экспортируются, а не только одного товара экспорта или чего-то, и посмотрели вот эти зависимости. Они пришли к выводу, что да, являются существенными предикторами будущих валютных курсов на горизонте до двух месяцев.

Если мы посмотрим в деталях механизм, как это происходит, в общем, достаточно просто в этом убедиться. Вот, например, это график рубля относительно нефти, всем известная такая зависимость, и, собственно, на графике сверху мы видим траектории, как смещалась точка, а снизу показаны собственно эти два графика — нефти и рубля. Вот, собственно, для большинства товарных рынков, где валюте позволено плавать. Вот это, кстати, норвежская крона, то есть практически — видим — одинаково. Соответственно, дальше вот это казахский тенге. Вот они не давали плавать, у них образовалась вот эта палочка, дальше дали, вот там сверху образуется эта самая зависимость. Это Мексика. Здесь как бы то же самое в большинстве своем, вот здесь вот, а вот здесь — это Трамп. Потому что, собственно, Мексика — она единственная, для которой риск был такой огромный, что в один день, как она упала на 12%, вот это такой... Это не могло не сказаться, как бы дальше не вернулось, так что риски сохраняются. То есть, наверное, это индикатор того, что, может быть, и будут какие-то политические последствия типа выхода из различных торговых союзов и ужесточения отношений с Мексикой. А вот это, например, здесь у нас чилийский песо и здесь у нас медь, как бы все то же самое. Вот это, например, если посмотреть норвежскую крону и российский рубль, собственно, мы видим, что графики очень похожи за последние три года и все остальные факторы, кроме первого, как бы носят такой минорный характер. Это на горизонте одного года.

А вот сейчас конкретная модель. Ну, во-первых, что строго доказано? Что если у вас валютные курсы в целом являются нестационарной случайной величиной, но если вы образуете линейную комбинацию соответственно цен на товары и валюты, вы получаете стационарно, они интегрированы, что означает, что есть линейная зависимость стационарная. Так вот, интересно, что если мы возьмем, например, нашу текущую модель, по которой мы смотрим, насколько адекватен текущий курс, то вот здесь желтеньким показан реальный курс доллар/рубль, а, собственно, фиолетовым показана наша модель, которая является просто линейной комбинацией трех величин. Красненькое — это, собственно, перевернутая нефть. Вот если бы только нефть, было бы вот так примерно. Индекс доллара синеньким — это относительно развитых стран, а зелененьким — это относительно развивающихся рынков. Соответственно, взяв три коэффициента, мы получаем такую простейшую формулу, где у нас чувствительность, соответственно, 0,35 получается для процентного изменения доллара к нефти — и примерно так же к *imagine markets*, кстати говоря, тоже заметные 0,2 к развитым.

Вот даже на таком масштабе видно, что отклонения не очень велики, они определяются какими-то событиями. Здесь вот восьмое — это Трамп, здесь, так сказать, было, вот здесь — это, собственно, сделка, когда было объявлено по «Роснефти», здесь что-то еще, уже не помню. Но, так или иначе, собственно, зависимости очевидны.

Ну и немножко, так сказать, возвращаясь к тому, а как же, собственно, курс влияет на то, как страна переходит, например, какие-то кризисы. Самый хороший, на мой взгляд, case study — это Россия, это 2008–2009 годы и, собственно, 2014–2015-й. Это цена на нефть. Тогда она коротко упала, затем быстро вернулась. Сейчас она возвращается несколько медленней. Здесь мы держали курс, заплатили за это более высокими процентными ставками.

Этот нечитаемый график — что на нем? Вот, собственно, оранжевым — это у нас ВВП, его динамика. Мы видим, что мы здесь просели гораздо меньше, чем здесь. А вот фиолетовым — это реальные зарплаты, и здесь мы видим, что, конечно, за это заплатило население. То есть, по сути дела, плавающая политика приводит к тому, что в такой стране, как наша, в которой долларизация на самом деле не очень большая (у нас она постоянная, примерно 30% доля валютных депозитов, все остальное рубли), население своими сбережениями, собственно, и заплатило и своими доходами за то, что экономика просела несколько меньше. Здесь процентные ставки показаны и, собственно, инфляция, и сейчас мы вступили в период жесткой кредитно-денежной политики. Собственно, наверное, она будет какое-то время продолжаться и, в общем-то, окажет какое-то влияние на экономический рост. Как я, наверное, согласен с предыдущим оратором, больше всего это зависит от конкретной ситуации, и однопараметрически сказать, что подходит какой стране, невозможно. Так как у нас стимулировать экономику сейчас в определенной степени бессмысленно, безработица небольшая, как-то иначе распределиться ресурсы, наверное, не могут, и как бы мы действительно попали в некую инвестиционную ловушку. Ну а что касается непосредственно менеджмента валютного курса, в общем-то, по моему мнению, тот переход, который был сделан, приведет, наверное, к большей стабильности и к лучшему прохождению шоков.

Спасибо.

Мовчан. Спасибо.

У нас есть десять минут, пока нас не выгонят из посольства.

Гуревич. Спасибо. Пару слов.

Естественно, выступление Тамбовцева просто с языка сняло все определения, поскольку, по моему мнению и убеждению, нет ресурсной зависимости, есть зависимость институциональная, абсолютно. Это видно на примере всех стран, которые обладают ресурсами, и значит, естественно, и живут за их счет, но при этом имеют абсолютно разные результаты. Это не только, естественно, Норвегия, Канада и Австралия в большой степени. Но если мы возьмем ту самую Голландию, откуда пошла «голландская болезнь», то вы посмотрите, что она преодолела вот эту свою зависимость от поставок газа очень легко и очень быстро по сравнению со всеми трагедиями и кризисами, которые случились действительно в странах, по-настоящему зависимых от ресурсов.

Есть еще один очень важный показатель в этой сфере. Он заключается в зависимости ресурсозависимых стран от оборудования и технологий, необходимых для добычи их

собственных ресурсов. Дело в том, что (вот здесь упоминались семидесятые годы) это история не только российская, но еще и советская, поскольку Советский Союз стал нефтегазовой державой действительно в середине семидесятых годов. И если вы посмотрите на список оборудования, подпавшего под американские санкции в конце 70-х — начале 80-х годов, и сравните с тем, в чем мы остаемся зависимыми и сегодня, через 35–40 лет, то отличие только по одной позиции. Мы за это время почти полностью обеспечили себя производством труб большого диаметра, за исключением специфических труб в агрессивной среде. Все остальное остается в такой же критической зависимости от импорта, каким было и 40 лет назад, только к этому добавилось еще оборудование для сжижения газа, танкеры для перевозки сжиженного газа и все остальное, чего у нас по-прежнему нет. И если вы разберете все страны, которые у нас в списках, в хороших и плохих списках, то вы увидите: одни страны с хорошими институтами производят оборудование для тех ресурсов, от которых они якобы зависят, а все остальные страны его не производят. И это такой критерий, который можно вписывать в любую таблицу.

Спасибо.

Вопрос. Вот если рассматривать возможность, что ресурсная обеспеченность может и положительно влиять на развитие, на экономический рост, какой бы вы наиболее характерный привели пример, когда рост сырьевого экспорта подталкивал бы развитие высокотехнологичного производства?

Гуревич. Норвегия, которая, кстати, производит великолепное нефтегазодобывающее оборудование, которое мы пытаемся у них купить, прежде всего шельфовое, а кроме того, имеет великолепные результаты в области электроники и hi-tech. Вот Норвегия получила. При этом она — абсолютно сырьевая страна, там не только нефть, но и газ, и еще и рыба.

Мовчан. В Норвегии вообще странная ситуация, потому что это все еще и государственное к тому же, то есть совсем нарушение всех. Но если посмотреть на статистику, то на самом деле результаты эти хороши, но не очень велики по сравнению со странами, которые типа Южной Кореи, которые всерьез этим занимаются. То есть в Норвегии — там тоже, это вот тоже посмотрите, у нас есть данные по Норвегии. Они, конечно, хороши по сравнению с Конго, но это не то чтобы прямо победа-победа.

Кто-то еще?

Крутихин. Можно я скажу? Вы знаете, меня все время что-то опять смущает. Опять, Андрей, я по поводу методологии. Все-таки надо куда-то выходить от теории, от истории, от констатации фактов, где-то аутлуки какие-то надо строить, что будет дальше. И вот меня-то, конечно, больше всего интересует, что дальше с Россией будет. Потому что вот то, что я сейчас наблюдаю, — это полное отсутствие понимания того, вообще какую экономику мы собираемся видеть через несколько лет в России. Поскольку те же самые энергетические ресурсы — это все-таки сырье для экономики, а экономика-то какая будет? Вот не надо все на ресурсы, на энергетику, на все остальное. Это инструмент. А цели я абсолютно никакой не вижу. Вот тут упомянули, например, я вспоминаю,

замечательное выступление было на Примаковских чтениях индийского гостя, который сказал: «Ребята, вы посмотрите, какую экономику строите. Вы тут надеетесь на какой-то большой Великий шелковый путь (вот там про Казахстан говорили, что транзитные пути будут развиваться). Ну ладно, вы сидите, мимо ваших окон идут контейнеры из Китая в Европу. Вам-то что от этого вообще? Что у вас? Вы экономику свою при этом развиваете какую-то или нет?»

А потом надо учесть, что все это сырьевое проклятье или изобилие в принципе скоро закончится. Если сейчас посмотреть на серьезные исследования, не какие-то там энергетические стратегии, сделанные конторами, на которых написано «при Правительстве РФ», а независимыми экспертами, то где-то после 2020 года у нас начинает резко, до 10% в год, падать производство нефти, а следовательно, естественно, и доходы. Газа мы больше не будем экспортировать. Это вот сейчас мы вышли на какой-то экспорт газа — это все, максимум, потому что рынков нет для этого газа и так далее. Поэтому надо задумываться о том, что делать.

Вот сделали хорошую работу, без денег сделали хорошие исследователи во главе с Таней Митровой. Они сделали аутлук мировой энергетики и российской энергетики. Там прекрасные три сценария до 2040 года. Совершенно отличную работу сделали, двести страниц, она есть в интернете, все хорошо. Но когда мы спрашиваем, я говорю: «Таня, а вот скажи, пожалуйста, вот сейчас нефть и газ перестанут играть такую серьезную роль, такую уж огромную роль. Вот что может это заменить? Есть какой-то сегмент, потенциал в российской экономике, где-то сектор, сегмент, как хотите его назовите, который бы где-то можно было бы куда-то?» Вот про диверсификацию говорим. Она говорит: «Мы искали, мы смотрели, мы опрашивали самых разных специалистов — нет ни одного, где мы можем быть конкурентоспособными в развитии чего-то». Вот о чем надо задумываться, где-то вот так вперед посмотреть. Ну ладно, я про это не буду много говорить.

Мовчан. Спасибо. Задуматься, конечно, здорово, но, во-первых, наше правительство не любит, когда кто-нибудь задумывается о таких вещах. Мы и так ходим на грани. А во-вторых, мы, собственно, в эту сторону и будем двигаться, потому что конечная же цель наша — это как раз рекомендации по диверсификации, вот ровно об этом и речь.

Меня здесь еще немножко смущает момент, что примерно раз в двадцать лет происходит тотальная смена уклада и очень плохо понятно. Вот в 1980 году было совершенно непонятно, на чем в 2000 году будет строиться экономика ведущих стран. Точно так же, как в 2000 году было понятно совсем не то, что реально у нас получается к 2020-му. Поэтому это дело не очень благодарное.

Мельник. Коллеги, у меня вопрос в продолжение вашей темы. Собственно, один из очевидных рецептов для лечения «голландской болезни» и сырьевого проклятья — это диверсификация экономики. Но, как известно, диверсификация — это обычно плод конкуренции, и для этого нужна конкурентная культура в стране, где культура скорее корпоративная, такой как Россия, Казахстан, многие азиатские страны. Возможно ли в

принципе построение диверсифицированной экономики в перспективе двадцати лет, скажем? Спасибо.

Мовчан. Наверное, да, потому что мы знаем те же самые корпоративные азиатские страны, которые это построили. Я хорошо понимаю, что мы все находимся под давлением некоторой политики момента, которая как раз антиконкурентна сейчас, а именно — на усиление корпоративности. Но, в конце концов, наша задача, как всегда говорят знакомые доктора, что «мое дело — выписать рецепт, а дело больного — принимать или нет». Мы в данном случае тоже выписываем рецепт, повлиять на политику мы не можем.

К сожалению, у нас, мне кажется, вырисовывается с точки зрения политики еще более печальная вещь. У нас постепенно, если говорить языком Эжена Йонеско, у нас обнаруживается оппозиция, которая начинает в противовес текущей корпоративной политике предлагать альтернативную корпоративную же политику, а не конкурентную. Поэтому, может быть, у нас проблемы даже больше, чем нам кажется на первый взгляд.

Родин. Вот касательно Казахстана я хотел просто сказать, что там официальным образом утверждена позиция государства на уровне президента, что государство не должно присутствовать в качестве бизнес-игрока в тех секторах, где есть достаточная концентрация частного бизнеса, что, на мой взгляд, очень важный тезис. А кроме того, то, о чем мы говорим на достаточно высоком уровне в министерствах, — о том, что те промышленные предприятия, которые существуют, должны вписываться в глобальные цепочки поставщиков. И это собственно тот драйвер роста, о котором, наверное, вы сейчас говорили, это вполне нормально. Потому что поиск конкурентоспособных ниш — это узкая нишевая промышленная продукция, но это высокотехнологичное производство. Входной билет на этот рынок не столь дорог, то есть это единицы миллионов долларов для того, чтобы компания вошла на рынок. Такие деньги в стране есть, и стать поставщиком в глобальной цепочке поставщиков — абсолютно реалистичная цель.

Мовчан. У нас еще, я бы хотел добавить, что мы все время говорим о конкурентной экономике, о построении конкурентного продукта, имея в виду почему-то материальный товар. В то время как у нас в мировой экономике процентов семьдесят ВВП уже составляют сервисы, и большую долю этих сервисов составляют сервисы внутреннего потребления, которые в России совершенно рудиментарно развиты. Я недавно делал доклад по циклическим изменениям в экономике, показывал там график инфляции. Инфляция, скажем, в области материальных активов либо отрицательная, либо практически нулевая за последние тридцать лет, либо очень медленно растущая. Скажем, в еде, она нулевая, в компьютерной технике она резко отрицательная, например. А инфляция в образовании, в медицине огромная, то есть она превышает в десятки раз общую инфляцию по миру. При этом Россия, обладая интеллектуальным потенциалом, научным потенциалом, большим внутренним спросом на образование и медицину, образование и медицину последовательно убивает, хотя это могли бы, может быть, быть два самых больших бизнеса в России со временем. Точно так же, как Россия сгенерировала при всех наших тяжелейших условиях достаточно много конкурентных IT-компаний, особенно если включить эмигрантов, которые их создали, и при этом у нас

продолжают эти компании вымываться за рубеж. И не только всякие, так сказать, «либеральные прихвостни», которые переезжают на Кипр и перевозят свои компании, но и глубокие патриоты типа «Касперского» в России делают 9% бизнеса на сегодня, остальной бизнес за рубежом. Это тоже один из многих ответов на вопрос, как строить конкурентную экономику.

На самом деле время уже десятый час — и мы нарушаем регламент королевы Великобритании, поэтому нам надо расходиться. Спасибо всем огромное, что вы пришли. Пожалуйста, забирайте вот эти толстые бумажные тексты, потому что мы ждем ваших рецензий, предложений. И всех заранее с Новым годом!